

Ницше связал послание Шопенгауэра с идеологией сверхлюдей, которые пришли к власти в XX в. Он постоянно дорабатывал эту теорию, считая, что воля есть стимул к борьбе. Решение проблемы — либо победа, либо подчинение одних воле других. «Мир есть воля к власти, — восклицал Ницше, обращаясь к потенциальным сверхлюдям, — и ничего кроме! И вы тоже олицетворяете эту волю, и ничего кроме!» Для таких людей, как Гитлер или Бенито Муссолини, это стало оправданием империализма и завоевательных войн. Фильм «Триумф воли» режиссера Лени Рифеншталь, созданный по заказу Гитлера, — вклад в популяризацию имиджа фюрера.

Враги народа: вне рамок и против государства

Ни Ницше, ни Шопенгауэр не предполагали, что политики будут манипулировать их доктринами, чтобы усилить власть государства. Любые перемены, которые возвышали правителей и «сверхлюдей» над законом, лишь умножали несправедливость. Подобный ход событий характерен для демократии, а для диктатуры это и вовсе норма. Вполне понятно, почему некоторые мыслители XIX в. выступали против теорий, призывающих боготворить государство.

Анархизм, например, был идеалом античного периода. Изначально он зародился в процессе рассуждений о природе человека: если люди от природы нравственны и разумны, тогда они способны объединяться, не создавая государство. С того момента, как Аристотель начал прославлять государство, называя его источником и хранителем добродетелей, западная анархия была обречена. В XVIII в. в Европе вера в прогресс позволила людям думать, что без го-

сударства можно обойтись. В 1793 г. будущий муж Мэри Уолстонкрафт, Уильям Годвин, предложил отменить все законы на том основании, что они были созданы еще на базе компромиссного подхода, свойственного античным временам, а это в корне не согласуется с идеей прогресса. Небольшие автономные сообщества могут решать конфликты в формате открытой дискуссии. Пьер Жозеф Прудон в 1840 г. придумал термин «анархизм». В его трактовке это означало: общество функционирует на базе принципа взаимности, как единая организация. Экспериментальных сообществ подобного типа появлялось много, но ни одно из них не смогло успешно конкурировать с государством традиционного типа. Кроме того, сторонники государственной власти выбрали популярный социалистический курс: социал-демократы, которые предлагали захватить власть при поддержке народных масс; последователи Луи Блана, который возлагал надежды на сильное регулируемое государство. Анархистов причислили к маргиналам. Под влиянием творчества Михаила Бакунина, который изъездил всю Европу в период с 1840 по 1870 гг., изучая разные общественные движения, анархисты пришли к единственно возможному для себя практическому варианту: насилие и терроризм.

Среди революционно настроенных сторонников партизанского движения в начале XIX в. особенно выделяется Карло Бьянко, выступающий за «холодный терроризм ума, а не сердца» в защиту угнетенных и притесненных. Но большинство его современников-революционеров были идеалистами, презиравшими террор. Они хотели, чтобы восстание соответствовало этическим нормам: было направлено против вооруженного противника и не затрагивало невинных граждан. Иоганн Мост, сторонник «пропаганды действием», возражал. Всю элиту — «грязное отродье», то есть аристократов, священников и капиталистов, — вместе с их

семьями, слугами и помощниками нужно убить без жалости и сострадания, считал он. Любой, кто окажется на линии огня, станет жертвой во имя благого дела. В 1884 г. Мост опубликовал памятку о том, как закладывать бомбы в церквях, дворцовых залах и общественных местах. Он также призывал истреблять полицейских, поскольку они «свиньи», а не люди. Многие люди, ненавидящие копов, были слишком глупы и не читали Моста, некоторые о нем даже и не слышали, а некоторые до сих пор с удовольствием пользуются его лексиконом.

Мост называл себя социалистом, но его методами пользовались в основном националисты-террористы. Первая попытка прибегнуть к террору как к основной тактике (Внутренняя македонская революционная организация) была предпринята в 1893 г. Дамян Груев, один из руководителей, объяснил цель акции так: «Чтобы получить достойный результат, необходимо приложить большие усилия. Свобода — это великая вещь: она требует серьезных жертв». На самом деле Груев своей высокопарной речью пытался отвести внимание от главного: погибнет много невинных людей. Его лозунгом было: «Лучше мгновенная смерть, чем вечные страдания». Македонские революционеры создали арсенал методов для террористов будущего: убийства, мародерство, принудительные действия в отношении мирного населения с требованием предоставить им денежные средства и убежище.

Терроризм продолжает развиваться. «Освободительная борьба» постепенно превращается в необузданное насилие. Преступники — наркокурьеры и особенно вымогатели — действуют как террористы, маскируя при этом свои намерения под революционные идеи и желание изменить и улучшить политический курс. В конце XX в. в результате нарковойн Колумбии и Северной Ирландии было трудно

отличить преступные мотивы от политических. Идеологическая позиция группировки, которая уничтожила башни Торгового центра в Нью-Йорке в 2001 г., не была очевидной: некоторые противники глобальной европеизации жили как простые обыватели, а свои нападения готовили со стаканом крепкой выпивки в руке. Нигилизм — это не политическое кредо, а психологическое заблуждение; смертники — это обычные жертвы, а не поборники справедливости, как им это внушают. Терроризм помогает утолить жажду насилия, обрести ощущение всемогущества и собственной значимости, но его целью не является достижение каких-либо практических или интеллектуальных результатов.

На фоне безрассудного идеализма и безудержного насилия в политической жизни начала XX в. наметился поворот к анархизму. Петр Кропоткин был его последним великим теоретиком. Его труд «Взаимопомощь как фактор эволюции» (1902) был ответом социальному дарвинизму. В своей книге Кропоткин утверждал, что сотрудничество, а не соперничество есть характерная особенность человечества, а эволюционным преимуществом нашего вида является именно склонность к сотрудничеству. «Как только сознание человека освободится от идей, навязанных священниками, полицейскими и судьями, желающими установить таким образом контроль, или учеными, которым платят за это, сразу оформится концепция общества, в котором больше не будет места этим желающим установить свою власть меньшинствам». Социальное принуждение необязательно и непродуктивно.

Последняя битва за принципы анархизма состоялась в рамках Испанской гражданской войны 1936–1939 гг. Все закончилось поражением. Наследие анархистов, которое получили представители студенческого революционного дви-

жения 1968 г., по большей части оказалось пустой риторикой. Но затяжной период анархизма помогает объяснить особенности развития общества в конце XX в.: прежде всего речь о растущей тяге к свободе на политическом левом фланге Европы. Многие аналитики объясняют ее влиянием левых взглядов, но и анархизм мог также внести свою лепту. В общечеловеческих масштабах «коммунитарные» решения социальных проблем, а не массовое планирование, навязанное коммунистами и социалистами прошлого, стали основной темой современных левых.

В любом случае ненасильственный подход в борьбе с государственной властью в конечном итоге выглядит более практичным и, возможно, более эффективным.

Идея о гражданском неповиновении возникла в 1840-х гг. Ее автором стал Генри Дэвид Торо — он был чрезвычайно непрактичным человеком и неисправимым романтиком, который долгое время восхвалял экономические преимущества «жизни в лесу». Однако его мыслям было суждено изменить мир. Среди его учеников были довольно известные личности XX в.: Махатма Ганди, Эмма Голдман, Мартин Лютер Кинг. Торо написал свое самое знаменитое эссе на тему политики, вызывающей чувство отвращения, сосредоточившись на самых очевидных несправедливостях довоенного периода в Соединенных Штатах: рабстве, которое унижало чернокожих, и разжигании войны, которое разделило Мексику на части. Торо решил, что он «тихо объявит войну государству», откажет ему в верности и перестанет платить за угнетение и подавление невинных людей. Если бы все люди поступили так же, размышлял он, государство было бы вынуждено измениться. «Если можно было бы выбирать между удерживанием всех людей в тюрьмах или отказом от войн и рабства, Государство не стало бы колебаться». Торо попал в тюрьму за не-

уплату налогов, но «кто-то вмешался и заплатил». Его выпустили на следующее утро.

Торо хвалил достоинства государственной системы США: «Даже это государство и это американское правительство есть за что благодарить». Он признавал, что гражданин был обязан поступать «хорошо, как того требует государство». Но он видел ограничения демократии: граждане полностью доверили власть правительству. Совесть, однако, остается личной ответственностью, которую граждане не вправе делегировать избранным представителям, считал он. Лучше уничтожить государство, думал Торо, чем терпеть его несправедливость. «Этот народ должен отказаться от рабства и перестать воевать с Мексикой, даже если это приведет его к исчезновению как народа».

Торо настаивал на соглашении по двум пунктам. Первый: в случае несправедливости гражданское неповиновение обязательно — как продолжение старинной христианской традиции сопротивления тирании. Фома Аквинский поощрял право народа восставать и одобрял тираноубийство. В XVII в. английский судья Джон Брэдшоу изрек следующую максиму: «Восставать против тиранов значит поклоняться Богу», — тем самым подтверждая справедливость бунта во время Английской революции. Бенджамин Франклин позаимствовал эту фразу для Большой печати (государственной эмблемы Америки), а Томас Джефферсон сделал ее своим девизом. Второй пункт новаторский. Политическое неповиновение, настаивал Торо, должно быть лишено насилия, а отказывающиеся принимать участие должны подвергнуться осуждению. Положения Торо были основой кампании «морального сопротивления» Ганди против британских законов в Индии, а также движения Мартина Лютера Кинга в поддержку защиты гражданских

прав («ненасильственное сопротивление») в США. В обоих случаях и правда обошлось без насилия. Джон Ролз, один из самых уважаемых политических философов начала XXI в., поддержал и развил эту доктрину. Гражданское неповиновение, в понимании Торо, заключается в том, что большинство отрицает равенство прав с меньшинством.

Анархизм и гражданское неповиновение могут иметь успех лишь в борьбе против государств, ведущих не слишком агрессивную политику. Также невозможно создать институты, которые могли бы контролировать соблюдение свободы без применения насилия. Судей, например, можно подкупить, запугать или уволить, как было в Венесуэле при правлении Николаса Мадуро. Неизбранная элита или несостоявшиеся главы государств (правомочное меньшинство) могут создавать неудобства. Там, где вооруженные силы охраняют конституцию, обычно процветает власть военной диктатуры. Политические партии часто вступают в сговор с различными коалициями, чтобы перехитрить электорат и получить большую власть. Профсоюзы при наличии достаточной поддержки и средств обычно начинают бороться за свою независимость, чтобы противостоять влиятельной элите. Но государство обычно поглощает их, лишает власти либо распускает. Некоторые конституции предвосхищают возникновение тирании, распределяя власть между федеральными, региональными или местными органами. Но получившие власть региональные административные органы могут все равно прибегнуть к тирании. Подобные опасения оправдались в Каталонии в 2015 г., когда правительство меньшинства бросило вызов большинству в попытке начать самостоятельно решать вопросы, связанные с налогами, и обрести право принимать и отменять законы на своей территории. В 2017 г. каталонское региональное правительство, избранное меньшинством голосов, попы-

талось взять суверенитет в свои руки, организовав референдум. Это был своего рода государственный переворот. Чтобы противостоять тирании и деспотизму, на базе католических политических традиций было разработано понятие «субсидиарность», в рамках которого политические решения считались законными, если максимально отвечали интересам конкретного сообщества. На практике, однако, неравенство распределения ресурсов означает, что богатые и хорошо вооруженные организации почти всегда выйдут победителями из любых конфликтов.

Христианская политика

Итак, многочисленные попытки остановить тиранию не увенчались успехом. Оставалось лишь прибегнуть к помощи церкви — именно ей удалось приструнить правителей в средневековый период. Но Реформация привела к тайному сговору церкви с государством, этот религиозный институт стал управляемым. Впоследствии даже в католических странах практически любая конфронтация заканчивалась введением ограничений и достижением компромиссов с последующей передачей полномочий светской власти. В конце XX в. харизматичный и пользующийся авторитетом папа Иоанн Павел II сыграл важную роль в свержении политики коммунизма в своей родной Польше. Он бросил вызов авторитарному правлению в целом. Но есть сомнение, что подобное может повториться. На сегодняшний момент даже в странах с многочисленными католическими общинами церковь уже не может оказывать большого влияния в решении общественных конфликтов, касающихся вопросов христианского самосознания, включая проблему неприкосновенности жизни и священности брака.